

Тамара М.

Похищенная
Луна

Тамара М Похищенная Луна

<https://litres.ru/74489602>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во имя Бога, милостивого и милосердного,
Который создал луну и солнце,
Который вложил в сердце человека любовь
И научил его тосковать по небу.
Слушайте же, о люди, ибо я расскажу вам историю,
Которую слышал от стариков, сидевших у костра,
Которую пели певцы на базарах Самарканда,
Которую шептали матери своим детям перед сном.
Это история о юноше, который украл невесту,
О девушке, которая не хотела выходить замуж,
О злодее, который не умел прощать,
И о любви, которая оказалась сильнее смерти.
Слушайте же, и пусть Аллах откроет ваши сердца,
Ибо тот, кто слушает историю о любви,
Сам становится немного чище.

Содержание

Вступление.	4
Глава 1. Девушка из сна старика Юсуфа.	8
Глава 2. Дорога в Бухару.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тамара М

Похищенная Луна

Вступление.

Во имя Бога, милостивого и милосердного,
Который создал луну и солнце,
Который вложил в сердце человека любовь
И научил его тосковать по небу.
Слушайте же, о люди, ибо я расскажу вам историю,
Которую слышал от стариков, сидевших у костра,
Которую пели певцы на базарах Самарканда,
Которую шептали матери своим детям перед сном.
Это история о юноше, который украл невесту,
О девушке, которая не хотела выходить замуж,
О злодее, который не умел прощать,
И о любви, которая оказалась сильнее смерти.
Слушайте же, и пусть Аллах откроет ваши сердца,
Ибо тот, кто слушает историю о любви,

Сам становится немного чище.

Меня зовут Айгуль. Мне семьдесят три года, и я сижу на веранде своего дома в Самарканде, укутавшись в старый пуховый платок. Передо мной — чашка зелёного чая, который давно остыл, и блюдо с урюком, к которому я не притронулась. Я расскажу вам историю, которую знаю с детства. Её рассказала мне моя бабушка. Это история о моём деде — Махамеде, сыне Рахима, хозяина чайханы на углу базара. И о моей бабушке — Зулейхе, девушке с глазами, полными звёзд. И о любви, которая была сильнее смерти.

Я расскажу вам всё, как слышала. Ничего не утаю, ничего не приукрашу. Ибо правда — она как вода в арыке: чем глубже, тем чище.

Было время, когда мир был молод, и звёзды висели низко над землёй, и ветер пахнул не пылью, а цветами. Было время, когда в городе Самарканде жил юноша по имени Махамед, сын Рахима-аки, хозяина чайханы на углу базара. И был он простым работником, и не знал он, что судьба готовит ему великое испытание.

Говорят, что в каждом городе есть своя луна. В Самарканде луна — золотая, как спелая дыня, и поднимается она над минаретом Хазрати Имам, и свет её падает на крыши домов, на абрикосовые деревья, на воду в арыках. Говорят, что тот, кто увидит эту луну в час своего рождения, будет счастлив всю жизнь. Но счастье — это не то, что даётся даром. Сча-

стве — это то, что нужно выстрадать.

Мой дед Махамед не знал, что счастье его будет горьким, как полынь, и сладким, как халва. Не знал он, что придётся ему пройти через огонь и воду, через пустыню и горы, через страх и боль. Не знал он, что встретит девушку с глазами, полными звёзд, и что полюбит её так, что готов будет отдать за неё жизнь.

А девушку ту звали Зулейха, что значит «звезда». И была она прекрасна, как луна в полнолуние, и печальна, как осенний дождь. Отец её, Карим-ака, торговец коврами, хотел выдать её замуж за богатого соседа Фарруха. Но Зулейха не хотела. Ибо сердце её не лежало к Фарруху. Ибо Фаррух был жесток и самолюбив, и не любил он никого, кроме себя.

И вот однажды, в жаркий летний день, когда солнце палило так, что даже ящерицы попрятались в тень, Зулейха убежала из дома. Шла она всю ночь, и всю ночь плакала, и не знала, куда идёт. А утром, обессиленная, упала она под абрикосовым деревом у чайханы Рахима-аки. И увидел её Махамед. И с той минуты жизнь его изменилась навсегда.

Говорят, что любовь приходит внезапно, как гроза в ясный день. Говорят, что любовь не спрашивает разрешения, не ждёт удобного случая. Говорят, что любовь — это единственное, что стоит в этой жизни. И тот, кто любил, знает: это правда.

Слушайте же эту историю, о люди. Слушайте о том, как Махамед украл невесту Фарруха, как бежал с ней через пу-

стыню, как сражался с врагами, как чуть не погиб, защищая свою любовь. Слушайте о том, как в конце пути нашёл он то, что искал всю жизнь: счастье. Простое человеческое счастье — дом, жена, дети, покой.

Я расскажу вам всё. И пусть Аллах благословит того, кто слушает, и того, кто рассказывает, и того, о ком рассказыва

Я, Айгуль, внучка Махамеда и Зулейхи, начинаю свой рассказ. Слушайте же, ибо время не ждёт, и слова мои — как листья, что падают с дерева: их нужно ловить, пока они не упали на землю.

Читайте. Слушайте. Помните.

Ибо тот, кто слушает историю о любви, сам становится немного чище.

Глава 1. Девушка из сна старика Юсуфа.

*В час, когда муэдзин поёт с минарета,
И роса лежит на листьях винограда,
Сердце ищет того, чего нету,
Сердце ждёт — как пустыня дождя, как
отрада.*

*Не ищи меня в пыльных книгах,
Не зови меня в шумный базар.
Я — как запах шафрана в халатах,
Я — как утренний лёгкий угар.
Тот, кто любит, найдёт меня всюду —
В блеске звёзд, в придорожной пыли.
Тот, кто любит, поверит как чуду,
Что мы встретимся. Где-то. Когда-то. Вдали.*
Восточные стихи...

Было утро, когда муэдзин с минарета мечети Хазрати Имам пропел свой первый азан, и голос его, растянутый, как мед по горячей лепёшке, поплыл над крышами старого города. Махамед стоял на пороге отцовской чайханы, вдыхая воздух, в котором смешались запахи жареного курдючного сала, плова с барбарисом и пыли, поднятой ослами, что везли арбузы с базара.

Самарканд просыпался медленно, как старик, которому некуда спешить. Глиняные дувалы, выбеленные солнцем до

цвета топлёного молока, розовели с восточной стороны. Арыки журчали вдоль улиц, и в их воде отражались абрикосовые деревья, усыпанные плодами. Где-то в глубине махалли лаяла собака, и ей отвечал петух — хрипло, надсадно, будто тоже устал от жизни.

Махамеду было двадцать три. Ростом он вышел в деда — широкоплечий, с руками, привыкшими к тяжёлой работе. Волосы у него были чёрные, густые, спадавшие на лоб непослушной прядью. Глаза — тёмно-карие, как пересохшая земля после дождя, с длинными ресницами, которые он унаследовал от матери. На левой щеке, чуть ниже скулы, краснел небольшой шрам — след от ножа, полученный в драке на свадьбе двоюродного брата три года назад. Нос прямой, с лёгкой горбинкой, губы полные, и когда он улыбался, что случалось нечасто, на правой щеке появлялась ямочка.

Он работал в чайхане отца с двенадцати лет — сначала подносил пиалы, потом научился заваривать чай, а к восемнадцати уже сам управлялся с казаном, готовя плов, от которого люди приходили в восторг и говорили: «У старика Рахима сын растёт — золотые руки».

— Махамед! — раздался голос отца из глубины чайханы. — Ты что застыл, как ишак перед новыми воротами? Иди, помоги Азизу с самоваром.

Махамед обернулся. Отец, Рахим-ака, стоял в дверях, вытирая руки о передник. Ему было пятьдесят два, но выглядел он старше — спина согнулась от многолетней работы, лицо

избороздили морщины, как русло высохшей реки. Но глаза оставались живыми, зоркими, и в них горел тот огонь, что не гасит даже время.

— Сейчас, отец, — ответил Махамед и направился внутрь.

Чайхана Рахима-аки стояла на углу улицы, недалеко от базара. Низкое здание с плоской крышей, увитой виноградом, с резными деревянными колоннами, поддерживавшими навес. Внутри — низкие топчаны, застеленные курпачами, на стенах — ковры с геометрическими узорами, в углу — огромный самовар, начищенный до блеска. Пахло зелёным чаем, сушёными травами и дымом от кизяка.

Азиз, младший брат Махамеда, возился с самоваром. Ему было шестнадцать, и он был полной противоположностью брата — худой, жилистый, с вечно всклокоченными волосами и глазами, в которых плясали черти. Он вечно что-то ронял, ломал, путал, но при этом умудрялся выходить сухим из воды.

— Опять уголёк погас? — спросил Махамед, подходя.

— Не погас, а... задумался, — ответил Азиз с невинным видом.

— Самовар не может задуматься.

— Этот может. Он старый, как дед Абдулла. Ему тоже нужно время, чтобы проснуться.

Махамед усмехнулся и взялся за дело. Через десять минут самовар уже пыхтел, выпуская струйки пара, и по чайхане

поплыл запах свежесваренного чая.

Первый гость появился, когда солнце поднялось над минаретом. Это был старик Юсуф, постоянный посетитель, который приходил каждое утро, садился в углу у окна и сидел до полудня, потягивая чай и рассказывая истории о временах, когда он был молодым.

— Ассалам алейкум, — сказал старик, входя и снимая с головы тюрбейку.

— Ваалейкум ассалам, — ответил Махамед, кланяясь. — Проходите, Юсуф-ака, ваше место у окна свободно.

Старик сел, кряхтя, и вытянул больные ноги.

— Сегодня ночью я видел сон, — сказал он, когда Махамед принёс ему пиалу с чаем. — Будто иду я по улице, а навстречу мне — девушка. Красивая, как луна в полнолуние. И глаза у неё — как два колодца, полных звёзд.

— Хороший сон, — сказал Махамед вежливо.

— Хороший, — согласился старик. — Только вот беда: не могу вспомнить, кто она. Может, из соседней махалли. Может, из Бухары. А может, и вовсе — из моего прошлого.

Махамед не стал спрашивать дальше. Он знал: старик Юсуф любил поговорить, и если его не остановить, он мог рассказывать до самого вечера.

Утро тянулось медленно. Посетители приходили и уходили, заказывали чай, плов, лепёшки. Махамед работал, но мысли его были далеко. В последние недели он чувствовал странное беспокойство, будто что-то должно было случить-

ся. Что-то важное. Что-то, что изменит его жизнь.

Он не знал, что это будет.

Он не знал, что сегодня он увидит её.

Ближе к полудню, когда жара стала невыносимой и улицы почти опустели, Махамед вышел на порог чайханы, чтобы глотнуть свежего воздуха. Он прислонился к колонне, закрыл глаза и слушал, как шелестят листья винограда над головой.

И тогда он услышал голос.

— Воды... пожалуйста, воды...

Голос был тихий, слабый, но в нём было что-то такое, от чего сердце Махамеда пропустило удар. Он открыл глаза и посмотрел на улицу.

Она стояла в тени абрикосового дерева, держась за ствол, будто искала опору. Девушка лет восемнадцати, не больше. В длинном платье цвета спелой вишни, с вышивкой на груди — красные маки, синие ирисы. На голове — платок, повязанный небрежно, из-под которого выбивались пряди чёрных волос. Лицо бледное, но красивое — тонкие черты, высокие скулы, губы, похожие на лепестки розы. А глаза... Глаза были как два колодца, полных звёзд.

Он вспомнил сон старика Юсуфа.

— Сейчас, — сказал Махамед, бросившись внутрь. Он схватил кувшин с водой и пиалу, пробежал на улицу.

Девушка уже сползала по стволу дерева, теряя сознание. Махамед подхватил её, и она оказалась в его руках — лёгкая,

как пушинка. Он осторожно опустил её на землю, прислонил спиной к дереву, поднёс пиалу к губам.

— Пейте, — сказал он. — Пейте медленно.

Она открыла глаза — огромные, тёмные, как ночное небо. Посмотрела на него, и в её взгляде было что-то такое, от чего у Махамеда перехватило дыхание. Страх. Боль. И ещё что-то — глубокая, бесконечная печаль.

— Спасибо, — прошептала она, сделав глоток. — Я... я шла долго. Заблудилась.

— Откуда вы?

Она не ответила. Только опустила глаза и сжала край платья так, что костяшки пальцев побелели.

— Мне нужно идти, — сказала она, пытаясь встать. — Меня будут искать.

— Кто?

— Мой... — она запнулась. — Мой отец. Он... он хочет выдать меня замуж.

Махамед почувствовал, как что-то сжалось в груди.

— За кого?

— За соседа. За Фарруха.

Имя прозвучало как удар. Махамед знал Фарруха. Все в махалле знали Фарруха. Сын богатого торговца, владельца нескольких лавок на базаре и большого дома с резными воротами. Ему было тридцать, он был жесток, самолюбив и привык получать всё, что хотел. Два года назад он избил до полусмерти своего работника за то, что тот не так посмотрел

на его лошадь. Год назад — выгнал из дома жену, потому что она не родила ему сына.

— Я не хочу за него, — прошептала девушка, и слёзы покатались по её щекам. — Я не хочу...

Махамед смотрел на неё, и в его душе поднималась волна — горячая, тёмная, незнакомая. Он не знал эту девушку. Не знал её имени. Но он знал одно: он не позволит Фарруху сделать с ней то, что тот делал со всеми.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Зулейха, — ответила она.

Зулейха. Звезда. Луна. Свет.

— Зулейха, — повторил он, и имя это показалось ему сладким, как халва. — Я не дам вас в обиду.

Она подняла на него глаза, и в них промелькнуло что-то — недоверие, удивление, и... надежда.

— Кто вы?

— Махамед. Сын Рахима, хозяина этой чайханы.

Она посмотрела на чайхану, потом снова на него.

— Вы не знаете, о чём говорите. Фаррух... он не отступит. Он убьёт вас.

— Пусть попробует, — сказал Махамед, и в его голосе была такая твёрдость, что Зулейха замолчала.

Он спрятал её в задней комнате чайханы — маленькой, тёмной, где хранились мешки с рисом и специями. Постелил ей старую курпачу, принёс воды и лепёшку.

— Отдыхайте, — сказал он. — Я приду, когда стемнеет.

— А если вас увидят?

— Меня не увидят.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Сердце его колотилось, как пойманная птица. Он понимал, что делает что-то опасное. Что-то, что может стоить ему жизни. Но он не мог поступить иначе.

Весь день он работал как в тумане. Подавал чай, готовил плов, отвечал на вопросы посетителей. Но мысли его были там, в задней комнате, где спала девушка с глазами, полными звёзд.

Ближе к вечеру в чайхану вошёл Фаррух.

Махамед узнал его сразу — высокий, широкоплечий, с короткой чёрной бородой, в дорогом халате из синего шёлка, подпоясанном золотым поясом. На пальцах — перстни с камнями, на голове — каракулевая папаха. Глаза — маленькие, злые, как у волка.

— Эй, мальчик, — сказал он, усаживаясь за стол. — Чай. И плов.

Махамед подошёл, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Сейчас принесу, Фаррух-ака.

— Ты меня знаешь?

— Кто вас не знает.

Фаррух усмехнулся.

— Правильно. Меня все знают. И ты знай: если увидишь девушку — молодую, красивую, в платье цвета вишни — скажи мне. Она сбежала от меня. А я не люблю, когда от ме-

ня сбегают.

Махамед почувствовал, как холодный пот выступил на лбу. Он кивнул, не поднимая глаз.

— Хорошо, Фаррух-ака. Скажу.

Фаррух ушёл, когда стемнело. Махамед закрыл чайхану, погасил свет и направился в заднюю комнату.

Зулейха не спала. Она сидела, прижавшись к стене, и смотрела на дверь широко открытыми глазами.

— Он приходил, — сказал Махамед. — Фаррух.

Она вздрогнула.

— Он... он знает?

— Нет. Пока нет. Но он ищет тебя.

Зулейха закрыла лицо руками.

— Я не могу вернуться. Лучше умереть.

Махамед сел рядом с ней. Осторожно, боясь испугать, взял её руку.

— Не говори так. Я помогу тебе.

— Как?

Он не знал ответа. Но он знал одно: он не отдаст её Фарруху.

— Я увезу тебя, — сказал он. — В другой город. В Бухару. Или в Хиву. Там тебя никто не найдёт.

— А твоя семья? Твой отец?

— Отец поймёт. Когда-нибудь.

Зулейха посмотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы.

— Почему ты помогаешь мне? Ты меня не знаешь.

Махамед молчал. Он и сам не знал ответа. Знал только, что с той минуты, как он увидел её, что-то изменилось в нём. Что-то, что было сильнее страха. Сильнее смерти.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но я не могу иначе.

Она улыбнулась — впервые за весь день. Улыбка была слабой, но в ней было столько тепла, что Махамед почувствовал, как оттаивает что-то в груди.

— Спасибо, — прошептала она. — Махамед.

Так началась история, которая перевернула жизнь Махамеда. История, в которой было всё: любовь и ненависть, предательство и верность, смерть и жизнь. История, в которой он чуть не погиб, защищая ту, которую полюбил всем сердцем.

Но он ещё не знал этого.

Он знал только, что на следующее утро, когда солнце поднимется над минаретом, он украдёт невесту Фарруха и увезёт её туда, где их никто не найдёт.

И это будет только начало.

Глава 2. Дорога в Бухару.

Дорога вьётся, как змея,
Меж скал, песков и облаков.
Иду, любимая, и я
За сотню вёрст, за сто оков.
Ты — мой приют, ты — мой шатёр,
Ты — свет в ночи, ты — тень в жару.
Я для тебя оставлю дом,
Я для тебя весь мир сотру.
И если смерть в пути найдёт —
Пусть. Я не сверну с пути.
Ведь тот, кто любит, не умрёт.
Он будет вечно в сердце жить.

Рассвет Махамед встретил на ногах. Он не спал всю ночь — сидел у окна, слушал, как ветер шумит в листьях винограда, и думал. Думал о том, что делает. Думал о том, что будет дальше.

Отец спал в соседней комнате. Азиз — в своей каморке. Махамед слышал их дыхание — спокойное, размеренное. Они не знали, что их сын и брат собирается совершить нечто такое, что может разрушить всю их жизнь.

Он встал тихо, как вор. Собрал небольшой узел — пара рубах, хлеб, немного денег, которые копил годами. Потом направился в заднюю комнату.

Зулейха ждала его. Она тоже не спала. Глаза её были красными от слёз, но в них горела решимость.

— Пора? — спросила она.

— Пора.

Они вышли через заднюю дверь, в переулок, где не было ни души. Утро только занималось, и город ещё спал. В воздухе пахло росой и дымом — где-то уже топили печь.

Махамед вёл Зулейху по узким улочкам, мимо глиняных дувалов, мимо арыков, в которых плескалась вода. Они шли быстро, но осторожно, стараясь не привлекать внимания. Дважды им навстречу попадались люди — старик с ослом, женщина с ведром воды, — но никто не обратил на них внимания.

На краю города, где начиналась дорога на Бухару, Махамед остановился.

— Дальше пешком, — сказал он. — Лошади у меня нет.

— У меня тоже, — ответила Зулейха, и в её голосе прозвучала горькая усмешка.

Они пошли по дороге — пыльной, широкой, уходящей вдаль. По сторонам простирались поля хлопка, за ними — виноградники, а ещё дальше — пустыня, жёлто-серая, бесконечная.

Солнце поднималось, и жара становилась невыносимой. Махамед снял чапан, перекинул его через плечо. Зулейха шла рядом, опустив голову. Платок её сбился, и прядь чёрных волос упала на лицо. Она не поправляла её.

— Расскажи мне о себе, — сказал Махамед, чтобы прервать молчание. — О твоей семье.

Зулейха долго не отвечала. Потом заговорила — тихо, ровно, будто читала книгу.

— Мой отец — Карим-ака. Он торгует коврами. У нас есть дом в Бухаре, недалеко от Ляби-Хауза. Мать умерла, когда мне было десять. Отец так и не женился снова. Он... он хороший человек. Но слабый. Фаррух дал ему денег — много денег. И теперь отец думает, что я должна выйти за него замуж. Что это... как он говорит... «выгодная партия».

— А ты?

— Я отказалась. Сказала, что лучше умру. Отец ударил меня. Впервые в жизни. Потом запер в комнате. Я сбежала через окно. Шла всю ночь. Заблудилась. И... ты знаешь остальное.

Махамед молчал. Он чувствовал, как в груди поднимается гнев — горячий, как кипящее масло. Он никогда не видел Фарруха, но уже ненавидел его. Ненавидел за то, что хотел сделать её своей — против воли.

— Ты вернёшься домой? — спросил он.

— Нет. Никогда.

— А если Фаррух найдёт тебя?

— Тогда я умру.

Махамед остановился. Взял её за руку, повернул к себе.

— Не говори так. Слышишь? Никогда так не говори.

Она посмотрела на него — устало, печально.

— Ты не понимаешь. Фаррух — не просто человек. Он — как шакал. Он найдёт. Он всегда находит.

— Значит, мы будем быстрее.

Они пошли дальше. Дорога тянулась, как бесконечная лента. Мимо проплывали караваны — верблюды, гружённые тюками, погонщики в пыльных халатах. Иногда попадались всадники на лошадях, и Махамед каждый раз напрягался, вглядываясь в их лица. Но это были не люди Фарруха. Пока.

К вечеру они добрались до маленького кишлака — несколько глиняных домов, мечеть с покосившимся минаретом, чайхана под навесом из камыша. Махамед заплатил хозяину чайханы за еду и ночлег. Им отвели угол в сарае, где пахло сеном и овцами.

Зулейха села на солому, обхватила колени руками. Махамед принёс ей лепёшку и пиалу с чаем.

— Ешь, — сказал он.

— Не хочу.

— Надо. Ты весь день ничего не ела.

Она взяла лепёшку, откусила кусочек. Жевать было трудно — горло сжало.

— Махамед, — сказала она тихо. — Зачем ты это делаешь? Зачем помогаешь мне? Ты ведь знаешь, чем это может кончиться.

Он сел рядом с ней. Долго смотрел на неё — на её лицо, освещённое тусклым светом керосиновой лампы. На глаза, в которых отражалось пламя.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Просто... когда я увидел тебя, что-то случилось. Как будто... как будто я всю жизнь шёл к этому. К тебе.

Зулейха опустила глаза. Щёки её порозовели.

— Ты странный, — сказала она. — Я тебя совсем не знаю. А ты... ты рискуешь всем.

— Я знаю тебя, — ответил он. — Этого достаточно.

Она подняла на него глаза, и в них было что-то такое, от чего у Махамеда перехватило дыхание. Что-то, что было сильнее слов.

— Спи, — сказал он, вставая. — Завтра длинный день.

Он вышел из сарая, сел у стены, прислонившись спиной к глиняной ограде. Небо было огромным, чёрным, усыпанным звёздами. Где-то вдалеке выл шакал.

Махамед закрыл глаза и стал молиться. Не словами — просто мыслями. Просил у Бога силы. Просил защиты. Просил, чтобы хватило сил довести её до Бухары.

Он не знал, что Фаррух уже едет за ними. Что его люди рыщут по дорогам. Что в его доме, в Самарканде, отец уже обнаружил пропажу сына и сидит, обхватив голову руками.

Он не знал, что самое трудное — впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.